

Сильное государство: постановка проблемы и концептуальные поиски

Станкевич Зигмунд Антонович

Доктор юридических наук,
действительный государственный советник Российской Федерации III класса.

Наподобие того, как широкая бурная река порой начинается с маленького, тихого ручейка, решение крупной, чрезвычайно важной для страны и общества научно-практической проблемы нередко начинается с ее постановки в относительно небольшой по объему статье или монографии. Как представляется, именно по этому пути пошли два известных российских ученых-правоведа – А.Д. Керимов и И.Н. Куксин, которые недавно представили заинтересованной публике (прежде всего профессиональному сообществу) свой совместный труд, посвященный проблеме сильного государства¹.

То, что данная проблема на заре XXI века вновь стала актуальной для России, не вызывает удивления – на наших глазах со страной произошла трансформация таких масштабов, что, наоборот, было бы странно (и очень опасно!), если бы разговор о сильном государстве «здесь и сейчас» не возник. Тем более что современная Российская Федерация во многом продолжает жить «под сенью» своего великого предшественника – Советского Союза, который был не только признанной сверхдержавой, но и, несомненно, сильным государством.

Отсюда абсолютно правомерный вопрос, с которого авторы монографии начинают свой разговор с читателем: а что такое «сильное государство» вообще и каково его предназначение применительно к переживаемой человечеством эпохе и конкретным условиям постсоветской России? Изначально позиция А.Д. Керимова и И.Н. Куксина здесь достаточно ясна и понятна – они связывают сегодняшнюю потребность в сильном государстве (в том числе и для собственной страны) прежде всего с *общим прогрессом* цивилизации (понимая его как движение от простого к сложному, от низшего к высшему, от худшего к лучшему, от менее совершенного к более совершенному, зрелому и рафинированному), который, мол, немислим без подобного универсального, мультифункционального, многоцелевого и эффективного *инструмента управления* все усложняющимися общественными системами и ускоряющимися социальными процессами².

1 Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 96 с.

2 [Там же, 5].

Однако если выйти за рамки «инструментального» контекста, то ответ на вопрос о сути сильного государства не столь однозначен. Тем более что авторы именно на такое государство, которое они еще обозначают как «*дееспособное*», «*эффективное*» и даже «*могущественное*», возлагают вполне глобальную функцию нивелирования негативных последствий вышеупомянутого прогресса, что, понятное дело, в одиночку не по силам даже самой мощной державе. Что уж говорить о многих десятках «рядовых» членов мирового сообщества (и не только из Азии, Африки или Латинской Америки), которые даже не мечтают стать «сильными государствами» в том смысле, в каком это предполагают уважаемые авторы монографии.

Как представляется, ключевая проблема заключается здесь в ином, в самой постановке вопроса о *силе* государства. В чем она, эта сила – в способности государства (в лице его властных органов и аппарата) все направлять, регулировать и контролировать, всем управлять? Или все же она в способности государства *обеспечивать стабильную* (т. е. не подверженную социально-политическим катаклизмам и потрясениям), экономически *благополучную* (т. е. соответствующую определенным стандартам – мировым или региональным) и *безопасную* (т. е. защищенную от внутренних и внешних угроз как в физическом, так и в морально-психологическом плане) жизнедеятельность собственного народонаселения?

Фактически это старый спор так называемых государственников и либералов о том, сколько на самом деле должно быть государства в жизни общества – много или мало? В этом споре каждая из сторон в состоянии привести свои убедительные аргументы (например, является ли сильным государством крошечная, совершенно не «могущественная» (два столетия «вечного нейтралитета»), но супердемократическая и богатая Швейцария?), поэтому вряд ли кто возьмется их рассудить окончательно. Скорее всего, по-своему правы и неправы как одни, так и другие, поскольку в данном споре нет единой, универсальной «точки отсчета», что ведет, в одном случае, к опасной абсолютизации сильного государства, а в другом – к его не менее опасной недооценке.

Впрочем, существует еще и третий, на мой взгляд, наиболее оптимальный подход к проблеме сильного (мощного) или слабого³ (хрупкого) государства. Для лучшего понимания можно использовать популярную среди автомобилистов притчу о том, как англичане рекламируют свой прославленный лимузин Rolls-Royce: вместо того, чтобы указать мощность двигателя в лошадиных силах, там просто пишут – она ДОСТАТОЧНАЯ. И все!

Возможно, подобным образом следует поступить и в случае с оценкой силы государства. Если ее достаточно для того, чтобы государство достойно выполняло свои обязательства по организации нормальной жизнедеятельности общества, надежной защите страны и граждан от внутренних угроз и внешних посягательств – значит, есть все основания на-

3 Определенный интерес в этой связи представляет дискуссия о так называемой анократии, или слабом государстве, которая развернулась в нашей блогосфере после интервью либерального политолога Е. Шульман агентству «РОСБАЛТ» от 2 января 2017 года под примечательным названием «Гибка, как гусеница, гибридная Россия». URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/01/02/1579820.html>

звать такое государство сильным, или достаточным. И наоборот, вряд ли можно именовать сильным, или достаточным, государство, которое не выполняет свои базовые функции, даже если оно обладает для этого внушительными ресурсами и мощным аппаратом (включая репрессивный), но ограничивается стремлением к примитивной заорганизованности всех сфер общественной, экономической и политической жизни, желанием контролировать все и вся, как это зачастую происходит в России.

Понимание «достаточности» государства, как представляется, может помочь снять еще одну существенную проблему, на которую, кстати, справедливо обращают внимание также авторы монографии. Речь идет о нежелательной тенденции отождествлять сильное государство с нередко представляющим такое государство «грубым» политическим режимом – авторитарным или даже тоталитарным, что весьма характерно для стран с историческим бэкграундом, схожим с российским. Поэтому важно сместить акценты с силы государства на его *эффективность*, тем самым морально реабилитируя наше будущее сильное государство в глазах его граждан (соотношению сильного государства и прав человека посвящена целая глава монографии), и лишний раз подтверждая, что оно в условиях XXI века вполне может быть и социальным, и правовым, и демократическим⁴.

Совсем не случайно А.Д. Керимов и И.Н. Куксин львиную долю своего труда посвятили детальному объяснению того, *для чего* на самом деле необходимо сильное государство. По сути, именно с этого они начинают постановку рассматриваемой проблемы, которая имеет множество аспектов – политико-правовых, историко-философских, экономических, социологических, культурологических и даже международных. Именно для этого, ссылаясь на такие разнонаправленные и, скажем прямо, «разнокалиберные» авторитеты как М.Г. Делягин, Р.Э. Парк, Э. Тоффлер, Дж. Сорос, Г. Шмидт, Г.В. Мальцев, А.И. Фурсов, братья Р.И. и Б.И. Нигматулины, С.М. Миронов, Г.В. Осипов, Ф. Фукуяма, А.С. Панарин (вместе с Р. Иерингом), М.Н. Марченко, С.В. Степашин, Дж.Ю. Стиглиц, В.И. Добренев, Ф.А. фон Хайек и даже В.Ю. Сурков, они рисуют впечатляющую картину усложнения глобальных цивилизационных процессов, обострения базовых мировых проблем и возникновения всевозможных кризисов, которые «обуздать» способно *только* (выделено мной – З.С.) сильное государство, «обладающее необходимыми властными ресурсами, наделенное соответствующими полномочиями»⁵.

Частица «только» в данном контексте вполне уместна. Тем более, если предполагается, и авторы это подчеркивают, что конкретное «сильное государство» как часть мирового сообщества будет действовать в интересах как собственного народонаселения, так и единого (по своей природной и духовно-нравственной основе, общим целям и судьбе) и солидарного (по нормативному характеру взаимодействия) человечества. Вопрос здесь лишь в том, чтобы четко определить и разумно (в зависимости от цивилизационной специфики) обозначить

4 [Там же, 8].

5 [Там же, 12].

те сферы жизнедеятельности человека, где вмешательство государства вообще и сильного в частности может принести максимальную пользу, т. е. быть *реально* эффективным, а где, наоборот, сильное государство становится тормозом на пути поступательного развития, в определенных интересах (классовых, групповых и даже личных, в странах с авторитарным политическим режимом) искусственно «консервируя» проблемы, требующие своего позитивного решения во благо большинства.

Взять, к примеру, социальную сферу, в которой человечество в целом имеет основания гордиться несомненным прогрессом, особенно в течение последнего столетия. В этой связи авторы верно указывают на феномен социального государства, которое, в числе прочего, призвано решать сложнейшую проблему обеспечения социальной справедливости. Они отмечают «победное шествие», так называемый *welfare state* на Западе в послевоенное тридцатилетие, обоснованно связывая этот вынужденный поворот в политике мирового капитализма прежде всего с растущей мощью и влиянием первого на планете государства трудящихся – *Советского Союза* и возглавляемой им системы социализма⁶. И, соответственно, резкое отступление от этой магистральной линии (тэтчеризм, рейганомика и т. д.), как только обнаружилось, что СССР, в силу самых разных причин, ослабел и начинает постепенно сдавать свои позиции в качестве одного из центров биполярного мира.

Но главный перелом, как известно, произошел уже после того, как место социалистического Союза ССР на карте мира заняла капиталистическая Российская Федерация, вмиг впитавшая все мыслимые и немыслимые пороки социально-экономического строя, основанного на *безграничной власти денег* (пусть никого не вводят в заблуждение «гладкие» формулировки действующей Конституции РФ, камуфлирующие этот реальный, проверенный временем и практикой факт). Запад же облегченно вздохнул, прекрасно понимая, что оглядываться больше не на кого, а контрнаступление на права трудящихся, подмеченное авторами, лишь усилилось. Здесь возникает вполне закономерный вопрос: а какой в этих условиях должна быть роль государства (естественно, буржуазного), в том числе сильного?

А.Д. Керимов и И.Н. Куксин дают на него весьма странный ответ: «... *первостепенная задача, объективно встающая сегодня перед любым государством – отстоять и преумножить еще оставшиеся социальные завоевания* (курсив мой – З.С.)»⁷. Но так ли это? Неужели уважаемые профессора всерьез полагают, что современное буржуазное государство (нормальное, не говоря уже о сильном) настолько трансформировалось, настолько отступило от «оригинала», что, вопреки своей изначальной классовой сути и предназначению, готово сегодня выступить «единым фронтом» с трудящимися против эксплуатирующих их работодателей? А как еще можно эффективно «отстоять и преумножить» *социальные завоевания*?

6 [Там же, 16].

7 [Там же, 16].

Вообще, было бы неплохо подтвердить сей крайне спорный, на мой взгляд, тезис авторов конкретными примерами из нынешней мировой практики. Тем более что все это чрезвычайно актуально и для постсоветской России, где в силу специфики развития капитализма в стране, добровольно отрекшейся от социалистических принципов жизнеустройства, пока, как представляется, даже «не пахнет» ни социальным, ни сильным государством (в классическом их понимании). Между прочим, это косвенно признают и сами авторы монографии, когда они, например, солидаризируются с идеей А.И. Фурсова о «корпорации-государстве» или дают свои весьма жесткие оценки как современной ситуации в России, так и российской правящей элите⁸.

Логика рассуждений уверенно выводит их на *ключевое противоречие* той системы, в которой нам сегодня суждено жить, выступающее одновременно и потенциальным ее могильщиком, и мощным источником ее развития. Речь идет о фундаментальном противоречии между *бедностью* и *богатством*, которое, как известно, при капитализме (неважно – «диком» или «цивилизованном») разрешено быть не может. Все, чем здесь может помочь сильное государство – это, на мой взгляд, удержать страну в орбите эволюционного развития до момента «постепенного, неспешного, но неотвратимого» перехода от капиталистической к следующей, *постпотребительской* общественно-экономической формации, который уверенно предсказывают А.Д. Керимов и И.Н. Куксин, видя в этом специфику «переживаемого нами исторического момента»⁹. То есть выступить своего рода инструментом данного перехода, не позволив стране сползти в революционный хаос и кровавое гражданское противостояние, что вполне возможно при слабом государстве.

Манифестируя неизбежное наступление новой эпохи – эпохи *пострыночных, посткапиталистических* отношений, *постэкономических* или *постматериальных* потребностей, *постбуржуазной* морали, ценностей, установок и идеалов, авторы, к сожалению, не ставят целью описать это светлое будущее, даже в общих чертах. Они ограничиваются некими «принципиальными замечаниями», суть которых, в частности, сводится к тому, что все, мол, в этом мире имеет свое начало и конец, следовательно, в силу ускорения исторического процесса, скоро придет конец и «изрядно задержавшемуся» капитализму, о чем свидетельствуют даже «ростки новой эпохи» в нашей повседневной жизни. Ну а то, насколько это «общество будущего» будет более справедливым, нравственным и гуманным по сравнению с нынешним, мол, *всецело* зависит от ... «мировых властвующих элит», которые должны предпринять для этого «соответствующие, и при этом, весьма и весьма энергичные усилия», но прежде всего «как минимум правильно понимать магистральное направление»¹⁰ движения исторического процесса»¹¹. Не больше не меньше!

8 [Там же, 17-23].

9 [Там же, 36].

10 Вопрос о магистральном направлении является, на мой взгляд, чрезвычайно важным и должен серьезно дискутироваться в российской научной среде и обществе в целом. В частности потому, что в России очень многие не без оснований считают исторический поворот 1990-1991 гг. *уходом* с магистрального пути развития человечества.

11 [Там же, 41].

Данный тезис лично у меня вызывает серьезные сомнения. И не только потому, что «мировые властвующие элиты», как свидетельствует история человечества, в своих действиях практически *не руководствуются* принципами справедливости, нравственности и гуманизма. Их основной ориентир – *собственный интерес*, который может совпадать (в главных чертах) с устремлениями большинства собственного народа, национальными интересами своей страны и мировым мейнстримом, и тогда элиты выступают мотором прогрессивного развития, становятся признанными «соавторами» общего благополучия и процветания. Но данный интерес может с ними и не совпадать (полностью или частично), и тогда элиты, как правило, становятся генератором застоя и даже регресса, нередко порождая самую черную реакцию, массовое насилие и кровавые войны.

Тезис авторов о *решающей* роли элит в будущей мировой трансформации вызывает сомнения еще и потому, что его, вольно или невольно, приходится экстраполировать на российскую почву и, соответственно, на нашу властвующую элиту. И тогда неизбежно надо ответить на два «сакраментальных» вопроса, имеющих, на мой взгляд, принципиальное значение в контексте рассматриваемой темы.

Во-первых, способна ли *вообще* на подобную трансформацию нынешняя российская элита, в большинстве своем неолиберальная и конформистская, склонная к олигархизму и компрадорству, в рядах которой, как справедливо отмечают А.Д. Керимов и И.Н. Куксин, «почти нет личностей, вдохновленных идеей созидания нового мира, то есть творчества новых культурных и этических ценностей и норм, новых форм общения и взаимодействия между индивидами, новых способов их интеграции в социальную систему», элита, в которой «не сыскать людей, всерьез задумывающихся над изменением существующего общественного бытия, осознающих необходимость стратегического научного прогнозирования принципиально иного, посткапиталистического будущего для России и всего земного шара, алчущих новых мироустроительных концепций»¹²?

И, во-вторых, готовы ли мы как общество вручить *этой* элите такой мощный инструмент преобразований, каким является сильное государство, и не получится ли так, что элита использует данный инструмент не по назначению, а, наоборот, для консервации нынешних порядков в целях сохранения власти и нажитых богатств, а также для подавления любых попыток изменить положение к лучшему в интересах большинства народа?

Понятно, что на эти вопросы нет (и быть не может!) простых, однозначных ответов. Но ответить на них все же придется, если мы действительно хотим, чтобы в России, наконец, *возродилось* по-настоящему сильное государство, мощь и влияние которого не ограничивались бы только рамками известного высказывания императора Александра III о всего лишь двух «верных союзниках» страны – ее армии и флоте (с учетом специфики переживаемого времени можно добавить и спецслужбы), а выражались прежде всего в *справедливом* социальном строе, *эффективной*, нацеленной на постоянный рост благосостояния граждан эко-

12 [Там же, 43-44].

номике и *ответственной* перед народом, регулярно *сменяемой* властью, крепкой не столько персоналиями, сколько институтами.

Любые размышления на данную тему постоянно наталкиваются на проблему *общей воли*, без *корректного* выявления, *адекватного* восприятия и *разумной* реализации которой, как представляется, немислимо никакое *нормальное* государственное управление, не говоря уже о созидании сильного государства. Судя по тексту монографии, подобного мнения придерживаются и ее авторы, которые рассматривают общую волю, прежде всего и главным образом, как волю *народа* (нации). Вместе с тем, они подвергают обоснованной критике подходы, сформулированные в том числе великими умами прошлого, имеющие тенденцию к *идеализации* общей (народной) воли (в частности, те, в которых она подается как «единственное верховное начало государственной жизни, правомерный источник всякой власти и ... ее нравственное освящение»)¹³.

А.Д. Керимов и И.Н. Куксин справедливо обращают внимание на то, что в наши дни чрезвычайно важно *кто* и *как* обнаруживает и формулирует волю народа, *каким образом* она формируется и отражается в практической политике, решениях и действиях власти. Здесь, среди прочих, извечная дилемма «прогрессивно-активного» меньшинства и «консервативно-молчаливого» большинства (чье мнение важнее для определения подлинной народной воли?), а также вопрос о том, может ли сложнейшая задача выявления народной воли и ее трансформации в *государственную* волю быть уделом одного человека (главы государства, как в России) или все же это, скорее, миссия коллективного органа народного представительства (парламента в его классическом, «нероссийском» понимании)?

Помимо этого, в контексте разговора о сильном государстве существенное значение имеет проблема так называемой «изначальной правоты» народа. Другими словами, в какой степени власть *должна* и *может* руководствоваться так или иначе выраженным мнением народа (например, в ходе референдума или плебисцита, голосования за определенную политическую партию и т. д.), чтобы, с одной стороны, вести политику, соответствующую базовым интересам собственных граждан, а с другой – не оказаться пленницей весьма переменчивых настроений масс. В этой связи авторы верно подмечают, что народу, в принципе, свойственны те же пороки, что и отдельной личности – следовательно, «торжество общей воли отнюдь не всегда равнозначно торжеству справедливости, гуманности, добродетели» (хрестоматийный пример – поддержка немецким народом нацизма)¹⁴.

Именно поэтому, по мнению авторов, и должна нормально восприниматься ситуация, при которой «государство в лице своих властных органов в первую очередь вырабатывает и выражает, главным образом путем принятия законов и других нормативных актов, **собственную волю, которая с бóльшим основанием, чем какая бы то ни было другая воля, может быть признана совпадающей с народной** (за исключением, разумеется, воли, вы-

13 [Там же, 65].

14 [Там же, 66].

явленной в ходе общенационального голосования или массовых выступлений) и (или) отвечающей интересам населения страны»¹⁵. Более того, когда у народа нет определенной воли относительно требующих нормативного и управленческого регулирования существенных вопросов его жизнедеятельности, государство в лице своих властных структур *должно* сделать все возможное для ее формирования, а *сильное государство* – просто *обязано* стать во главе процесса выработки общей воли в тех случаях, когда народ непременно должен самоопределиться, но еще не сделал этого. И с этим нельзя не согласиться.

Наконец, последняя (конечно, по порядку, но не по важности) часть монографии А.Д. Керимова и И.Н. Куксина, в которой представлены *основные характеристики* сильного государства. Это, пожалуй, наиболее ценная часть их труда, поскольку в ней авторы подходят вплотную к концепции данного феномена, весьма детально и достаточно аргументировано излагая свою трактовку его главных черт.

Естественно, не все здесь бесспорно. Так, если, в целом, можно согласиться с тем, что сильное государство должно обладать значительным властным потенциалом во всех важнейших сферах жизнедеятельности общества, то серьезные сомнения вызывает тезис о том, что его сила в *экономической* сфере непременно должна подкрепляться *владением* внушительной долей средств производства (т. е. реальным материальным богатством). Ведь в мире существует немало сильных и богатых государств, которые вовсе не стремятся иметь в собственности «фабрики, рудники и заводы». Возможно, речь здесь следует вести, скорее, о том, что выдающийся французский социолог Пьер Бурдьё образно называет «властью над властями»¹⁶, понимая под этим бесспорное *верховенство* государственной власти над любыми другими «властями», в том числе над *экономической властью капитала*, опирающейся на «священный» принцип неприкосновенности частной собственности.

Весьма дискуссионной, мягко говоря, представляется также трактовка авторами отдельных аспектов «духовной власти» сильного государства. В частности, это относится к крайне спорному, на мой взгляд, положению о том, что ему «необходима **власть над умами**, притом власть над умами, разумеется, не только достигнувших и успешных (они и так поддерживают правящую элиту), но и проигравших, обездоленных и потерпевших, переживающих нищету, бесправие, унижение и безысходность»¹⁷. Согласитесь, странный тезис! Тем более что он имеет свое продолжение в идее установления *гегемонии* сильного государства в духовной сфере, поскольку без нее, мол, «власть политическая и экономическая всегда обречена оставаться неполной, как бы незавершенной, в связи с этим ущербной и, следовательно, непрочной, неустойчивой, недолговечной...»¹⁸.

15 [Там же, 68].

16 Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2016. С. 374-377.

17 Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 78.

18 [Там же].

Можно, конечно, подойти к данной проблеме и с таких позиций. Но в этом случае желательно дать четкое определение понятия «гегемония» применительно к духовной сфере и условиям существования сильного государства. И тогда вряд ли удастся ограничиться только разговором (пусть даже обстоятельным) о «язвах» нашей интеллигенции и разлагающей роли средств массовой информации. Придется затронуть такие непростые, даже болезненные вопросы, как сильное государство и интеллектуальная свобода, свобода слова, свобода совести (с учетом фактора стремительного «воссоединения» российского государства и РПЦ); сильное государство и угроза нового, «духовного» тоталитаризма; сильное государство и свободный оборот информации, а также ряд других.

Впрочем, не все позиции авторов в данном разделе их, несомненно, ценного труда порождают возражения и желание поспорить. Как ни странно, не вызывает отторжения постановка вопроса о *государственной идеологии*, без которой немислимо по-настоящему сильное государство, хотя данная проблема, как известно, воспринимается значительной частью российского общества резко негативно (к тому же со ссылкой на соответствующее положение Конституции РФ). Поэтому следует приветствовать смелую попытку А.Д. Керимова и И.Н. Кукунина сформулировать основные требования к государственной идеологии как в теоретическом, так и в практическом плане.

Можно только приветствовать также их стремление определить новые рамки для *правлящей* (господствующей) элиты сильного государства. Это касается прежде всего *национальной* ориентации и ответственности тех, кто принимает стратегические, жизненно важные для данной страны решения, *открытости* элиты и ее периодического *обновления*. Полагаю, что нет необходимости лишней раз доказывать, насколько все это актуально для современной России.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что коллеги А.Д. Керимов и И.Н. Кукунин, подготовив монографию о сильном государстве, *уже* сделали большую и важную работу, которая, вне всяких сомнений, оставит заметный след в нашей юридической науке. Теперь им необходимо развить этот успех, превратив общие, теоретические конструкции в завершенную, детально отработанную концепцию, пригодную для использования в практическом государственном строительстве. Не исключено, что подобная концепция может понадобиться России в самое ближайшее время.